

DOI 10.31029/vestdnc92/12

УДК 811.35

**ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ СЛОВ  
С УЩЕРБНОЙ ПАРАДИГМОЙ ЧИСЛА**  
(НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОЛЕЗГИНСКИХ И ЗАПАДНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ)

**М. О. Ибрагимова**, ORCID: 0000-0003-3910-3923

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского  
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

**CONTRADICTIONS IN THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE WORDS  
WITH AN INCOMPLETE NUMBER PARADIGM**  
(ON THE MATERIAL OF THE SOUTH AND WEST LEZGIAN LANGUAGES)

**M. O. Ibragimova**, ORCID: 0000-0003-3910-3923

Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal  
Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье поставлена цель осветить противоречивые случаи подачи материала о числовых маркерах в лексикографических источниках на четырех нахско-дагестанских языках лезгинской группы, относящихся к западнолезгинской (рутульский и цахурский языки) и южнолезгинской (крызский и будухский языки) подгруппам. Выбор языков продиктован их особой генетической и грамматической близостью. Наблюдения над фактами лексикографического описания слов из категорий *singularia tantum* и *pluralia tantum*, называемых единицами с ущербной парадигмой числа, позволили выявить случаи неоднородной подачи их числового статуса в словарях будухского, крызского, рутульского и цахурского языков. Определено, что формы плюралиса, отражающие ненормированную разговорную речь, частотны в будухско-русском словаре и отчасти в цахурско-русском словаре. В них приведены формы множественного числа абстрактных, вещественных и собирательных существительных без указания на лексикализацию или особую семантику форм плюралиса. Субъективизм при определении числового статуса существительных с ущербной парадигмой числа в словарях объясняется предшествующим опытом лексикографов, уровнем их владения языком, особенностями работы с информантами, использованием разных подходов при интерпретации языковых фактов. Предлагается унифицировать подачу материала в рамках лексикографических источников на основе единых принципов, базирующихся на учете грамматических норм языков.

Abstract. The aim of the article is to highlight the contradictory cases of submitting material on the numerical markers in the lexicographic sources in the four Nakh-Daghestan languages of the Lezgian group belonging to the West Lezgian (Rutul and Tsakhur languages) and South Lezgian (Kryz and Budukh languages) subgroups. The choice of languages is dictated by their special genetic and grammatical affinity. Observations on the facts of lexicographic description of the words from the categories *singularia tantum* and *pluralia tantum*, called the units with an incomplete number paradigm, allows to identify cases of heterogeneous presentation of their numerical status in the dictionaries of the Budukh, Kryz, Rutul and Tsakhur languages. The Budukh-Russian dictionary and, to some extent, the Tsakhur-Russian dictionary have frequent forms of pluralism reflecting abnormal colloquial speech. They contain the plural forms of abstract, real and collective nouns without reference to lexicalization or special semantics of plural forms. The subjective approach in determining the numerical status of nouns with an incomplete number paradigm in dictionaries is explained by the previous experience of a lexicographer, his level of language proficiency, peculiarities of dealing with informants, and the use of different approaches in interpreting linguistic facts. It is proposed to unify the presentation of the material within the framework of lexicographic sources on the basis of common principles based on the consideration of grammatical norms of languages.

Ключевые слова: западнолезгинские языки, южнолезгинские языки, категория числа, единицы с ущербной парадигмой числа.

Keywords: the West Lezgian languages, the South Lezgian languages, category of the number, nouns with an incomplete number paradigm.

Южнолезгинские (крызский и будухский) и западнолезгинские (рутульский и цахурский) языки и в генетическом плане, и в плане грамматики обнаруживают особую близость, признаки изоморфизма: 4 лексико-грамматических класса, относительно схожая материальная база маркеров плюралиса и т.д., что позволяет некоторым лингвистам квалифицировать их как единую языковую общность. [1, с. 327–342; 2, с. 7–8].

При сравнительном анализе случаев представленности маркеров числа в словарях будухского, крызского, рутульского и цахурского языков выявляются противоречивые данные. Причем в некоторых случаях противоречия «уживаются» в одном лексикографическом источнике. Как правило,

в словарях разнятся сведения о формах плюралиса существительных некоторых семантических групп, которые изначально можно квалифицировать как единицы с ущербной парадигмой числа (слова категорий *singularia tantum* и *pluralia tantum*).

Так, лексикографы и исследователи приводят неоднородные сведения в отношении наличия / отсутствия форм множественного числа у абстрактных существительных с суффиксами *-вал/-ваьл, -валды, -валла* в шахдагских и западнолезгинских языках.

В «Будухско-русском словаре» У.А. Мейлановой лексемы с суффиксом *-вал* приведены, как правило, с формой плюралиса: *душманувал* «вражда» – *душманувал-бер, дустувал* «дружба, содружество» – *дустувал-бер, къастувал* «намеренность, умысел» – *къастувал-бер* [3, с. 55, 84].

В «Крызско-азербайджанско-английском словаре» И.А. Гумметова и М. Ринд-Павловски в лексемах с суффиксом *-ваьл* не выделены аффиксы множественности: *həyəlɪvəl* «детство», *kurəxəyɪvəl* «щедрость», *midehivəl* «враждебность» и др. [4, с. 166, 204, 254].

Авторы «Рутульско-русского словаря» также не приводят форм множественного числа подобных абстрактных существительных, отмечая, что «в отвлеченных существительных на *-валды* со значением состояния после заглавного слова приводится только форма эргативного падежа» [5, с. 8]. Авторы «Рутульско-русского словаря (ихрекский диалект)» К.Э. Джамалов и С.А. Семедов придерживаются той же позиции [6].

Исключение составляют лексикализованные формы вещественных, абстрактных, собирательных существительных, которые максимально представлены в рутульско-русском словаре А.С. Алисултанова, Т.А. Сулеймановой.

В «Цахурско-русском словаре» Г.Х. Ибрагимова и Ю.М. Нурмамедова представлены противоречивые сведения о наличии / отсутствии форм плюралиса у абстрактных существительных с суффиксом *-валла*: так, в словарных статьях к лексемам *миллетчийвалла* «национализм, шовинизм», *саламатый-валла* «здоровье, благополучие, невредимость, сохранность», *тутгъунийвалла* «подавленность, мрачность» и др. указано, что форм множественного числа нет, тогда как к словам *мигъманийвалла* «угощение, званый обед» – *мигъманийвалла-бы, четинийвалла* «трудность» – *четинийвалла-бы, зальмийвалла* «жестокость, тирания, бесчеловечность, деспотизм» – *зальмийвалла-бы* и др. приводятся формы множественного числа [7, с. 168, 256, 257, 304, 344, 396]. При этом указания на статус лексикализованных у форм плюралиса мы не обнаружили.

Полагаем, что в исследуемых языках абстрактные существительные с суффиксом *-вал/-ваьл, -валды, -валла* имеют только формы единственного числа (если речь не идет о лексикализации форм плюралиса), неоднородность подачи материала в будухско-русском и цахурско-русском словарях отражает единичные случаи применения форм множественности этих лексем в разговорной речи.

Формы плюралиса, отражающие ненормированную разговорную речь, частотны в «Будухско-русском словаре» У.А. Мейлановой и отчасти в «Цахурско-русском словаре» Г.Х. Ибрагимова, Ю.М. Нурмамедова, в которых приведены формы множественного числа абстрактных существительных и номинаций совокупности предметов, сыпучих, жидких и газообразных веществ, несчитаемых понятий (без указания на лексикализацию или особую семантику форм плюралиса):

#### **Будухский язык**

*гудж* «сила, мощь» – *гудж-ри* [3, с. 36];

*гъавас* «охота, желание, страсть, задор» – *гъавас-ар* [Там же, с. 37];

*клах* «сорт чины» – *клах-ри* [Там же, с. 98];

*пахыр* «ржавчина» – *пахыр-бер* [Там же, с. 118];

*хларадж* «масло, сливочное масло» – *хларадж-ер* [Там же, с. 149].

#### **Цахурский язык**

*гудж* «сила, мощь» – *гудж-бы* [7, 2010 с. 122];

*пас* «ржавчина» – *пас-бы* [Там же, с. 284];

*гичI* «страх, боязнь» – *гичI-бы* [Там же, с. 119];  
*такъат* «сила, мощь» – *мн. ч. нет* [Там же, с. 324];  
*талан* «ограбление, погром, грабеж, разбой» – *мн. ч. нет* [Там же, с. 225].

В «Рутульско-русском словаре» А.С. Алисултанова, Т.А. Сулеймановой и словаре ихрекского диалекта К.Э. Джамалова, С.А. Семедова приведены формы множественного числа небольшого числа абстрактных, вещественных и собирательных существительных. Подача материала у авторских коллективов имеет незначительные расхождения:

*къам* «горе, скорбь, печаль» – *мн. ч. нет* [5, с. 206];  
*хIаIя* «стыд, скромность» – *мн. ч. нет* [Там же, с. 419];  
*хар* «горошина» – *хар-быр* [Там же, с. 375];  
*хар* «град» – *мн. ч. нет* [Там же, с. 375];  
*пахыр* «окись меди» – *мн. ч. нет* [Там же, с. 384];  
*мыIхъ* «ржавчина» – *мыIхъ-быр* [Там же, с. 274];  
*ихрек. муIхъ* «ржавчина» – *мн. ч. нет* [6, с. 194];  
*хIаред* «масло, жир» – *хIаред-быр* [5, с. 380];  
*ихрек. къыш* «топленое масло, жир» – *мн. ч. нет* [6, с. 167].

Крызско-азербайджанско-английский словарь И.А. Гумметова и М. Ринд-Павловски отличается наиболее последовательным (консервативным) отношением к исследуемой проблеме: для абстрактных, вещественных и собирательных существительных постулируется отсутствие форм плюралиса (мы обнаружили в словаре форму множественного числа *чем-ри* только у существительного *чем* «масло, жир, сливочное масло» [4, с. 173]):

«**guc** *is.* güc. *strength; power; force; difficulty.* *İs. Sin.: III; Vas. Əs.: gucil. Cəm: ./.* [Там же, с. 98];  
**qir** *is.* qır, bitum. *bitumen.* *İs. Sin.: III; Vas. Əs.: qirci. Cəm: ./.* [Там же, с. 207];  
**qəhər** *is.* qəhər, hiddət, qəzəb, acıq; haqsızlıqdan doğan ruhi hal, iztirab. *agony, torment.* *İs. Sin.: III; Vas. Əs.: qəhərçi. Cəm: ./.* [Там же, с. 197];  
**rəxır** *is.* raxır, mis qabda əmələ gəlmiş yaşıl ləkələr. *verdigris.* *İs. Sin.: III; Vas. Əs.: rəxırə. Cəm: ./.* [Там же, с. 244];  
**kafarə** *is.* kəfarə, sədəqə, pay. *donation.* *İs. Sin.: IV; Vas. Əs.: kafarəci. Cəm: ./.* [Там же, с. 173].

В будухско-русском словаре представлено несколько словарных статей со случаями эхоредупликации удвоенной основы, в том числе – с начальным согласным *м*; во всех случаях отмечены маркеры плюралиса:

«ГПарза-марза IV (-джир, -рбер) жалоба» [3, с. 45].

«Эски-мески IV (-джир, -рбер) старье, барахло; иливер эски-мески ведерде отсюда барахло убери (ср.: Эски I. IV (-джир, -рбер) старье; тряпка, тряпье. 2) старый (о предметах) эски къыхъа идми человек в старой одежде (в тряпье)». [Там же, с. 167].

«Чалак-фалак IV (-джир, -ар) суета» [Там же, с.151].

Примеры из словарей других языков также демонстрируют возможность присоединения аффиксов плюралиса к таким лексемам:

**цах.:** *йаIьджудж-маIьджудж(-ар)* «масса в массе; толпа, направленная на уничтожение всего» [7, с. 181];

**рут:** *къал-макъал(-быр)* «скандал ссора, перепалка» [5, с. 206];

**рут:** *чIаIкъраIкъ-пIаIкъраIкъ(-быр)* «звуки, шум, помехи» [Там же, с. 433].

Разновидностью неточной редупликации являются чередования гласных в основе существительных. Для слов с неточной редупликацией, за редким исключением, в словарях указаны маркеры плюралиса:

**буд. хара-хура(-рбер)** «барахло, манатки, скарб» [3, с. 145];

**буд. гIайел-гIийёл (-бер)** «ребенок, дитя» [Там же, с. 51];

**рут. лак-лук** «шушера, шантрапа» – *мн. ч. нет* [5, с. 236].

Большая часть редуцированных-звукоподражаний, по материалам словарей, также может присоединять маркеры числа:

**буд.:** *гъай-гъуй* «шум, гам» – *мн. ч. нет* [3, с. 38];

**буд.** *дарам-дурум(-ар)* «шум, тарарам» [Там же, с. 51];

**рут.** *рап-шуп(-ыр)* *звукоподр. шуму поспешной работы* [5, с. 292];

**рут.** *тларанI-тларанI(-ыр)* *звукоподр. чему-л. сыпучему* [Там же, с. 349].

Трудности в сравнении материала этих групп обусловлены непредставленностью его в цахурско-русском и крызско-азербайджанско-английском словарях.

Более поздним этапом выражения семантики множественности являются случаи использования копулятивных сложений, состоящих из синонимичных слов. У.А. Мейланова приводит формы плюралиса к таким сложным образованиям в будухском языке:

*ер-емиш(-бер)* «овощи-фрукты, плоды» [3, с. 71];

*йургъан-дутьшег(-ер)* «постель» (*букв. «одеяло-матрас*) [Там же, с. 74];

*фу-хъад(-ри)* «пища, питание (*букв. «хлеб-вода*)» [Там же, с. 143];

*мал-мулк(-имер)* «движимое и недвижимое имущество» [Там же, с. 104].

Аналогичная ситуация отражена и в цахурско-русском словаре, в котором мы выявили только один пример отсутствия формы плюралиса:

*гIал-миз* «разговор, речь» (*букв. «рот-язык*) – *гIал-миз(-бы)* [7, с. 128];

*ер-емиш* «фрукты, многообразие фруктов» – *ер-емиш(-ер)* [Там же, с. 162];

*къайда-къанун* «правило, закон» – *къайда-къанун(-бы)* [Там же, с. 209];

*чир-чоп* «хворост» – *мн. ч. нет* [Там же, с. 398] и т.д.

И.А. Гумметов и М. Ринд-Павловски более последовательны в определении числового статуса копулятивных сложений в крызском языке (форму множественного числа они приводят только к примеру *сыр-суфат(-ер)* «физиогномика» [4, с. 259]):

**dəy-bəy** *ata-ana. parents (lit. mother-father)* [Там же, с. 113];

*даьй-баьй* родители (*букв. «мать-отец*) – *мн. ч. нет*;

**firi-ximb** *əg-argvad. married couple (husband and wife)* [Там же, с. 126];

*фири-хыныб* «супружеская пара» (*букв. «муж-жена*) – *мн. ч. нет*;

**lov-çov** *söz birl. hay-küy. helter-skelter, hubbub* [Там же, с. 229];

*лов-чов* «хаос, кавардак» – *мн. ч. нет*.

В рутульско-русском словаре информация представлена неоднородно:

*къин-цIыр(-быр)* «клятвы» [5, с. 222];

*фагъам-фикир(-быр)* «разум-соображение» [Там же, с. 367];

*мал-девет* «богатство, имущество, добро» – *мн. ч. нет* [Там же, с. 260];

*мал-къара* живность, скот – *мн. ч. нет* [Там же, с. 260].

При сравнительной характеристике семантических классов вещественных и абстрактных существительных западнолезгинских и южнолезгинских языков мы обратили внимание на неравномерность в освещении проблемы лексикализации форм множественного числа существительных: западнолезгинские языки находятся в предпочтительной ситуации, т.к. лексикализованные формы плюралиса отражены в монографиях по рутульскому [8, с. 24–28] и (отчасти) цахурскому [9, с. 67] языкам и в «Рутульско-русском словаре» [5]. Вопросы лексикализации форм плюралиса не освещены в монографии Б.Б. Талибова по будухскому языку [10] и диссертации Ш.М. Саадиева по крызскому языку [11]. У.А. Мейланова в «Будухско-русском словаре» приводит аффиксы множественности к вещественным, собирательным и другим несчитаемым существительным будухского языка, не дифференцируя семантику сингулярных и плюральных (лексикализованных) форм [3]. И.А. Гумметов и М. Ринд-Павловски в «Крызско-азербайджанско-английском словаре» указывают на отсутствие форм *мн. числа* многих вещественных существительных крызского языка [4].

Между тем вещественные существительные – номинации продуктов питания, химических элементов и т.д. в сравниваемых языках в прямом значении не образуют формы множественного числа. При этом в разговорной речи они часто употребляются в форме множественного числа для обозначения: а) различных сортов или видов вещества (**буд.:** *xIpaдж* «масло» – *xIpaдж-ар* в значении «несколько емкостей с маслом или несколько видов масла», крыз. *чем* – *чем-ри*, **рут.:** *xaIред* – *xaIред-быр*); б) большого количества вещества, занимающего несколько емкостей обширное пространство (**буд.:** *xьад* «вода» – *xьад-ри* в значении «вода, занимающая большие пространства во время наводнения»; **крыз.:** *xьад* – *xьад-ри*; **цах.:** *xьан* – *xьан-бы*; **рут.:** *xьед* – *xьед-быр* «напитки; вода, занимающая большие пространства во время наводнения»); в) для обозначения изделий из данного материала (**буд.:** *кьызыл* «золото» – *кьызыл-бер* «изделия из золота»; **крыз.:** *кьизил* – *кьизил-би*; **рут.:** *кьизил* – *кьизил-быр*; **цах.:** *кьизил* – *кьизил-ер*) и т.д.

Абстрактные и собирательные существительные в исследуемых языках, как правило, имеют низкую степень лексикализации формы плюралиса. При употреблении во множественном числе они приобретают более конкретное значение, теряя отчасти корреляцию числовых форм.

В словарях сравниваемых нами языков некоторые лексикализованные формы множественного числа, образованные от конкретных, абстрактных и собирательных имен, представлены неоднородно: 1) в виде отдельных словарных статей; 2) в рамках основной словарной статьи; 3) некоторые лексикализованные формы плюралиса, имеющиеся в языках, в словарях не представлены. Интересен тот факт, что имена *pluralia tantum* в исследуемых языках, как правило, являются формами плюралиса от существительных, у которых произошел отрыв значения от семантики исходного слова.

Исследование показало, что ситуация с определением числового статуса несчисляемых существительных в словарях субъективна, неоднородна. При интерпретации языковых фактов лексикографы руководствуются знанием родного языка в качестве либо исследователя; либо носителя литературной формы языка или диалекта и их исследователя; либо носителя субстандартной разновидности языка (например, цахурского языка, локализованного в Азербайджане) и т.д. Исходя из прошлого опыта и персональной теоретико-практической базы, при характеристике языковых фактов они используют разные подходы, порой полярно отличающиеся.

Полагаем, что необходимо унифицировать подачу материала в рамках лексикографических источников, руководствуясь едиными принципами, основывающимися на учете грамматических норм языков.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Trubetzkoy N.S.* Les Langues caucasiques Septentrionales. «Les Langues da Monde». Paris, 1924. С. 327–342.
2. *Ибрагимов Г.Х.* Рутульский язык. М.: Наука, 1978. 306 с.
3. *Мейланова У.А.* Будухско-русский словарь. М.: Наука, 1984. 251 с.
4. *Hümmetov (Qrizli) I.Ə., Rind-Pawłowski M.* Qrizca-azərbaycanca-İngiliscə lüğət. Bakı, 2020. 344 с.
5. *Алисултанов А.С., Сулейманова Т.А.* Рутульско-русский словарь. Махачкала: АЛЕФ, 2019. 518 с.
6. *Джамалов К.Э., Семедов С.А.* Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект). М., 2006. 466 с.
7. *Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М.* Цахурско-русский словарь. Махачкала: ДНЦ РАН, 2010. 532 с.
8. *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка. М.: Советский писатель, 2001. 256 с.
9. *Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М.: Наука, 1990. 239 с.
10. *Талибов Б.Б.* Будухский язык. М.: Academia; 2007. 304 с.
11. *Саадиев Ш.М.* Русско-крызский словарь [Приложение] / Опыт исследования крызского языка: в 2 т. : дис. ... д-ра филол. наук: 10.00.00. Баку, 1970. 726 с. + Прил. (426 с.: ил.). Филологические науки. ОД Дд 73-10/46.

Поступила в редакцию 06.12.2023 г.  
Принята к печати 28.03.2024 г.

\*\*\*

*Ибрагимова Мариза Оглановна*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45; e-mail: mariza71@mail.ru

*Mariza O. Ibragimova*, Doctor of Philology, leading researcher, Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of RAS; 45, M. Gadzhiev st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367000; e-mail: mariza71@mail.ru